

СОНА СКОФИЛД

БЫВШАЯ ЖЕНА
ДРАКОНА
*Мой опасный
постоялец*

Сона Скофилд

**Бывшая жена дракона.
Мой опасный постоялец**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Бывшая жена дракона. Мой опасный постоялец / С. Скофилд —
«Автор», 2026

Мой муж-дракон завел любовницу, а мне предложил дом поменьше и содержание. При условии, что я не стану портить ему репутацию. Я отказалась и уехала в старый пансион матери. Денег было впритык, крыша требовала ремонта, а шесть пустых комнат — постояльцев. Райнер Крейд заплатил за три месяца вперед. Угрюмый раненый капитан, который терпеть не мог жалости, зато почему-то замечал каждый мой пропущенный обед. Я успела привыкнуть к его шагам в коридоре, прежде чем узнала, насколько сильно его ненавидит мой бывший. Грегор приехал и потребовал выселить Райнера. Я впервые напомнила ему, что в этом доме распоряжаюсь сама. Вскоре мне предложили продать пансион. Потом пришли угрозы. Бывший явно рассчитывал, что без его денег и покровительства я быстро стану сговорчивее. Но я уже знала, кого не пушу на порог. И все чаще думала о другом: как попросить остаться мужчину, который поселился у меня только на время лечения?

Содержание

Глава 1. Место для бывшей жены	5
Глава 2. Комната с выходом в сад	15
Глава 3. Дом открывает двери	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сона Скофилд

Бывшая жена дракона. Мой опасный постоялец

Глава 1. Место для бывшей жены

— Дом на Вересковой уже готов, — сказал Грегор. — Тебе не придется заниматься переездом. Сколь обо всем позаботится.

Я продолжала держать над чашкой серебряное ситечко. Последние капли падали редко, и мне почему-то казалось важным дожидаться каждой.

— Каким переездом?

Муж отложил нож. На тарелке лежала половина булочки с абрикосовым вареньем; вторую он успел съесть, пока я рассказывала, что садовник опять отказался обрезать старую грушу у восточной стены. На этот раз сослался на гнездо. В сентябре.

Грегор дождался, когда служанка уберет блюдо с яйцами и закроет дверь.

— Нашим раздельным проживанием. Я хотел сообщить тебе сам, прежде чем начнутся разговоры.

Капля сорвалась с ситечка на скатерть.

Я поставила его в блюдце, осторожно, чтобы не зазвенело.

— Ты уезжаешь?

Он посмотрел на меня с тем выражением, с каким смотрел на непонятливого слугу, которому все-таки собирался дать еще одну попытку.

— Элина. Я говорю о тебе.

За окном стукнули колеса садовой тележки. Окно было приоткрыто, с газона тянуло мокрой землей. Я сама велела открыть створку перед завтраком: Грегор не любил запах жареного масла. Двенадцать лет я помнила об этом даже в те утра, когда болела.

— Почему?

Он опустил взгляд на чашку.

— Я намерен жениться на Селесте Орн.

Имя я знала. Во вторник Селеста сидела справа от него за этим же столом. Хвалила соус к рыбе и расспрашивала меня, где я заказываю столовое белье. Я обещала прислать адрес.

Вчера я действительно написала для нее записку.

— На Селесте, — повторила я.

— Да.

— Ты уже сделал ей предложение?

— Мы все обсудили.

Вместо ответа он мог бы ударить ладонью по столу, разбить чашку, повысить голос. Тогда хоть что-то в комнате соответствовало бы происходящему. Но он сидел в светлом утреннем скрутке, выбритый, спокойный, и большим пальцем стирал с указательного крошку.

— С ее отцом тоже?

Грегор едва заметно поморщился.

— Это необходимо для подобных решений.

Я посмотрела на его руку. Обручальное кольцо осталось на месте. Бронзовый ободок с гладкой, потертой изнутри поверхностью. Иногда ночью он клал ладонь мне на живот, и металл сначала охлаждал кожу, потом теплел.

— А со мной было необходимо?

— Именно поэтому мы сейчас разговариваем.

У меня заложило уши. Он еще что-то говорил о взаимном уважении, о том, что мы прожили достойную жизнь и не должны перечеркивать ее ссорой. Я видела, как движутся его губы, и не могла отделаться от глупого желания попросить его подождать. Дать мне хотя бы закончить завтрак, который еще минуту назад был нашим общим завтраком.

— Сколько? — спросила я.

— Что?

— Сколько времени ты с ней?

Муж откинулся на спинку стула.

— Тебе не принесут пользы подробности.

— Я не спрашиваю о подробностях. Я спрашиваю, сколько времени ты спишь с другой женщиной.

За все годы брака я редко видела, чтобы он не сразу находил подходящее слово. Сейчас пауза вышла короткой, но я успела ее заметить.

— С весны.

С весны я ждала его из поездок, заказывала травяной чай для его бессонницы и сердилась на портного, который плохо посадил ему воротник. В мае мы собирались провести неделю у моря. Грегор отменил поездку из-за срочного договора, а вечером прислал мне браслет с желтыми камнями.

Я перестала носить его только три дня назад: замочек царапал запястье.

— Пока я ждала тебя к ужину?

— Не нужно упрощать.

— А как нужно?

Он вздохнул.

— Я понимаю, что тебе больно. Но взрослые люди иногда обнаруживают, что их пути разошлись. Мы давно живем скорее привычкой, чем настоящей близостью.

— Ты вчера просил меня перенести твой разговор с поверенным, чтобы мы могли вместе поужинать.

— И мы поужинали.

— Ты положил мне рыбу. Убрал косточку, которую я не заметила. Спросил, не мерзну ли я.

Он нахмурился сильнее.

— Я к тебе хорошо отношусь, Элина. Это не исчезло.

Я потянулась за чашкой и увидела, что пальцы дрожат. Чай давно остыл. Обычно мне хватало легкого усилия, чтобы вернуть ему приятное тепло, но сейчас я не чувствовала ни фарфора, ни воздуха над ним. Чашка показалась чужой и очень тяжелой.

— Я не знала, что мы разошлись, — сказала я. — Ты забыл меня предупредить.

Он не ответил сразу. Потом встал, подошел к письменному столику у окна и принес тонкую папку.

Вчера на этом столике лежал список гостей для осеннего приема. Я переписывала его дважды, потому что Грегор решил рассадить Орнов ближе к камину.

— Посмотри спокойно. Я предусмотрел все необходимое.

Папка легла передо мной. Тесемки были аккуратно завязаны бантом.

Мне потребовалось две попытки, чтобы их развязать.

На первом листе стояло мое имя.

Элина Восс, урожденная Ларен.

Ниже шли слова о взаимном согласии на расторжение брака.

Я перечитала их. Потом еще раз.

— Ты назначил день?

— В палате нас ждут сегодня. К полудню. Необязательно откладывать и мучить друг друга ожиданием.

На каминных часах было начало девятого.

— А если я не подпишу сегодня?

Он снова сел.

— Тогда процедура затянется. Смысла в этом нет. Моего решения это не изменит, а ты потратишь силы на вещи, которые можно решить за одно утро.

— Тебе понадобилась вся весна, чтобы решить. Мне ты оставил три часа.

— Я не собирался говорить об этом до возвращения Орна из южных провинций.

Грегор произнес это так естественно, что я почти услышала в его голосе обычное раздражение из-за задержанной деловой встречи. Все действительно зависело от возвращения Орна. От расписания поверенного. От свободного времени писца в палате.

Мое согласие было последней мелочью.

Я перевернула страницу.

Дом на Вересковой предоставлялся мне для пожизненного проживания. Его нельзя было продать, сдать или передать другому лицу. Содержание выплачивалось ежемесячно при соблюдении приложенных условий.

Я добралась до приложения.

— Я не смогу принимать гостей без твоего разрешения?

— Там написано о длительном проживании посторонних мужчин.

— И о собраниях, способных нанести ущерб твоему имени.

— Ты прекрасно понимаешь, что имеется в виду.

Я читала дальше. Требовалось воздерживаться от публичных высказываний о причинах развода, не использовать прежнюю фамилию в торговле и не вступать в деловые отношения, которые могли быть истолкованы как попытка навредить дому Воссов.

— Кто будет решать, как их истолковать?

— Не ищи в каждой строке подвох. Это обычная осторожность.

— Здесь написано, что выплаты могут быть прекращены по твоему распоряжению.

— Если ты нарушишь условия.

Я положила ладонь на бумаги, чтобы они не дрожали вместе с пальцами.

— Ты разводишься со мной и продолжаешь решать, как мне жить?

— Я обеспечиваю твою жизнь. Ты двенадцать лет не работала. Неужели ты полагаешь, что теперь должна остаться без крыши и денег?

Я подняла глаза.

— У меня есть дом.

Грегор понял сразу. За годы брака он научился узнавать немногие вещи, на которых я упрямо настаивала.

— Только не начинай про Линден.

— Почему?

— Потому что это запущенное строение в провинциальном городке. Твоя мать едва сводила концы с концами.

Это было неправдой. Мама не покупала украшений у столичных ювелиров и носила зимнее пальто шесть сезонов, но у ее работников всегда было жалованье, а у меня — хорошие сапоги. В последний год она действительно болела и почти перестала принимать гостей. Грегор предпочитал помнить только это.

— Дом не заложен, — сказала я. — Все платежи внесены. Я получаю отчеты Марты.

— Отчеты старой кухарки.

— Женщины, которой я доверяю.

Он на секунду поджал губы.

— Ты сейчас хочешь сделать мне больно. Это понятно. Но не стоит портить себе жизнь ради красивого жеста.

Я посмотрела на папку. На пустое место, где должна была стоять моя подпись под правилами приличного поведения бывшей жены.

— Я хочу прочитать все до конца. Одна.

— У меня встреча в десять.

— Тогда ты как раз успеешь.

Он задержался в дверях. Мне хотелось, чтобы он вернулся. Не с папкой, не с обещанием денег. Просто сел бы рядом и сказал, что все случившееся можно каким-то образом исправить.

— Не запирайся в обиде, Элина, — произнес он. — Я стараюсь закончить это достойно. И ушел.

Я еще несколько секунд смотрела на закрытую дверь. Потом поднялась и сняла с камина маленькую вазу. Вода застоялась; белые цветы, которые вчера принес садовник, уже побурели у стеблей.

Я донесла вазу до умывальной комнаты, поставила на край раковины и там наконец согнулась, прижав ладонь ко рту.

Ничего красивого в моем горе не было. Я хватала воздух, давилась слюной и пыталась не издать звук, который услышали бы в коридоре. Тело почему-то решило, что меня тошнит. Потом стало холодно, хотя вода в кране шла теплая.

Служанка постучала минут через десять.

— Госпожа, с вами все в порядке?

Это была Нелла, совсем молодая, у которой на прошлой неделе заболел младший брат. Я отпустила ее домой на два дня и сама перепроверяла комнаты перед приездом Орнов.

— Принеси мне, пожалуйста, чистое полотенце.

Она вошла, увидела мое лицо и замерла.

— Я могу позвать господина.

— Не нужно.

Нелла подала полотенце и осталась у двери, не зная, имеет ли право уйти.

Я промокнула щеки.

— Ты давно знаешь?

Она опустила глаза, и этого оказалось достаточно.

— Не о разводе, госпожа. Я только...

— Не рассказывай.

Мне не хотелось слышать, в какой спальне меня обманывали и кто носил туда завтрак. Сейчас я не могла вместить больше того, что уже знала.

Нелла осторожно забрала мокрое полотенце.

— Вам что-нибудь еще нужно?

Я почти сказала, что ничего. Обычный ответ, который избавлял другого человека от неловкости.

— Чай. Горячий. И чтобы меня полчаса не беспокоили.

— Хорошо, госпожа.

Когда она вышла, я вернулась к бумагам.

Я читала их уже не с начала. Нашла раздел об имуществе, полученном по наследству, потом приложение с описью личных вещей. Материнский дом оставался за мной. Деньги на отдельном счете — тоже. Если отложить на дорогу, у меня оставалось двести сорок серебряных; часть этой суммы сохранилась после закрытия маминого дела, часть я сберегла из подаренных мне денег. Я берегла их на ремонт крыши в Линдене, который все откладывала.

В описи значились мои платья, книги, шкатулка, несколько украшений. Желтый браслет был указан как личный подарок.

Я отвела от него взгляд.

Развод и содержание оформлялись разными документами. Я перечитала это место, поставила ногтем отметку на полях и позвонила в маленький колокольчик.

— Попросите подать карету раньше, — сказала я вошедшему лакею. — В палату я поеду отдельно.

Он удивился, но поклонился.

Мне оставалось одеться. Зачем-то это казалось труднее всего.

В гардеробной висело темно-зеленое платье, которое нравилось Грегору. Он говорил, что в нем я выгляжу спокойно и достойно. Рядом — синее, купленное в начале лета и ни разу не надетое. У него было чуть более открытое горло и мягкая, почти незаметная вышивка по манжетам. Я примеряла его дважды, но каждый раз выбирала что-нибудь привычное.

Я сняла синее.

На спине были мелкие пуговицы. С третьей я не справилась и села на банкетку, держа ткань у груди. Так меня и нашла Нелла.

Она ничего не спросила. Встала за спиной, застегнула платье и подала мне гребень.

— Я сама, — начала я и остановилась. — Помогите, пожалуйста.

Пока она собирала волосы, я смотрела в зеркало. Мне было тридцать четыре. Под глазами проступили красные пятна, одна прядь прилипла к влажной щеке. Я не стала ни старше, ни моложе за этот час. Только кольцо на пальце вдруг показалось слишком тесным.

Я сняла его и положила в боковой карман сумочки.

Внизу меня ждал Грегор.

— Мне сказали, ты распорядилась о карете.

— Да.

— Мы могли бы ехать вместе.

Я посмотрела на человека, рядом с которым провела почти всю взрослую жизнь. На знакомую ямку у рта, которую я целовала, когда он улыбался. На маленькую складку между бровями. Мне до боли хотелось прикоснуться к нему и одновременно отступить так далеко, чтобы он больше никогда не смог дотянуться.

— Мне нужно поговорить с писцом до нашего приема.

— Все бумаги уже проверены.

— Твоим поверенным.

Он медленно кивнул.

— Разумеется. Если тебе так спокойнее.

У двери он протянул руку, чтобы помочь мне спуститься. Я сделала вид, что не заметила, и ухватилась за перила.

Ступеньки были сухие. Я все равно прошла их слишком осторожно.

В городской палате пахло чернилами, мокрой шерстью и воском. За высоким окном спорили воробьи. Я слышала их так ясно, будто специально приехала сюда послушать птиц.

Женщина за столом сначала приняла меня за посетительницу по наследственному делу. Увидела папку, нахмурилась и придвинула свободный стул.

— Ваш прием в полдень. До него почти час.

— Я знаю. Мне нужно понять, могу ли я подписать расторжение брака и не подписывать соглашение о содержании.

Она подняла на меня глаза поверх круглых очков.

— Можете.

— Это не лишит меня имущества, которое перечислено здесь как отдельное?

— Давайте посмотрим.

Я ждала, пока она читала. На краю стола стояла чашка с темной каймой от чая; возле ножки лежал детский рисунок, прижатый тяжелой печатью. Круглый дом, дерево и человек с очень длинными руками.

— Наследство матери, — сказала писец. — Право зарегистрировано два года назад. Обременений нет. Отдельный счет. Личные подарки. Нет, отказ от содержания этого не меняет. Однако если в будущем вы захотите оспорить условия раздела общего имущества...

— У меня здесь есть доля?

Она перевернула еще один лист.

— По брачному договору имущество у вас раздельное. Но подаренные лично вам вещи принадлежат вам. Если в описи есть неточности, их можно исправить до регистрации.

Я нашла строку с желтым браслетом. Я помнила, как мы подписывали брачный договор: он смеялся, целовал мне пальцы и говорил, что эти бумаги никогда нам не понадобятся. Условия я тогда прочитала, но почти не задумывалась, какой будет моя жизнь, если они все-таки понадобятся.

— Я могу отказаться от украшений? — спросила я.

Женщина отложила лист.

— Можете. Но сначала объясните, зачем.

— Я не хочу, чтобы он...

Я замолчала. Мне стало стыдно говорить незнакомой женщине, что я готова отказаться от своего лишь бы Грегор не смог улыбнуться и сказать: «Видишь, ты все-таки без меня не справишься».

Она подождала и подвинула ко мне страницу.

— Вам не обязательно их носить. Не торопитесь отказываться от своего только потому, что сегодня вам больно.

Я провела пальцем по строке. Потом попросила еще раз показать, где в бумагах речь шла о моих правах, а где — о предлагаемых условиях.

Мы еще некоторое время разбирали документы. Писец не делала за меня выбора, но отвечала на каждый вопрос и показала, где именно он начинался.

Когда вошел Грегор, соглашение о содержании лежало отдельно.

— Элина? — Он заметил это сразу.

— Я его не подписываю.

— Мы можем обсудить отдельные формулировки.

— Я не хочу жить в твоём доме на Вересковой.

Женщина в очках спокойно спросила, сохранилось ли у нас взаимное согласие на расторжение брака.

Грегор посмотрел на меня.

В эту секунду я еще могла попросить дать нам время. Мне казалось, если произнести нужные слова, он вспомнит нашу первую зиму: как однажды занесло дорогу, как мы грели руки над одной жаровней и ели прямо из кастрюли, потому что повар отпустил прислугу раньше. Вспомнит, как я смеялась, когда он обжег язык.

Он поправил манжету.

— Да, — сказал он. — С моей стороны ничего не изменилось.

Я посмотрела на чистый лист перед собой.

— С моей тоже.

Перо царапало бумагу. Чернила легли неравномерно, и последняя буква фамилии вышла темнее остальных.

Писец спросила, какую фамилию я намерена носить после регистрации.

— Ларен.

Грегор чуть повернул голову, но промолчал.

Печать опустилась на страницу с коротким глухим стуком.

Мне выдали выпись. Я сложила ее пополам, хотя бумагу следовало хранить ровной, и сразу расправила. Пальцы опять плохо слушались.

— Вам нужна отдельная карета? — спросил Грегор на ступенях палаты.

— Она ждет.

— Сколь вечером зайдет к тебе с описью. Я хочу, чтобы не возникло недоразумений.

Я кивнула.

— И пожалуйста, не посвящай слуг в личные обстоятельства. Им не обязательно знать все подробности.

На площади продавали горячие каштаны. Девушка с корзиной остановилась у нашей кареты и посмотрела на меня в ожидании.

— Они уже знают, — сказала я Грегору.

Он проследил за моим взглядом, словно решил, что я говорю о продавщице, и лишь потом понял.

— В большом доме трудно избежать слухов.

Я поднялась в карету. Дверцу закрыл кучер.

По дороге домой я купила каштаны. Не потому, что хотела есть. Мне понадобилось сделать что-нибудь, чего не было в приготовленных Грегором бумагах.

Первый каштан оказался испорченным. Второй был горячим и сладковатым. Я обожгла пальцы, выругалась шепотом и съела еще три, прежде чем снова смогла заплакать.

Сколь пришел в четвертом часу. К этому времени у кровати стояли два сундука, а на полу лежали книги, которые я никак не могла распределить между ними.

Управляющий остановился на пороге.

— Госпожа Восс, господин просил...

— Ларен.

Он моргнул.

— Прошу прощения?

— Теперь моя фамилия Ларен. Что просил Грегор?

Сколь посмотрел на выпись, лежавшую на туалетном столике, и поправил свою тонкую кожаную папку.

— Проверить, не нужна ли вам помощь с описью. Господин также поручил передать, что вы можете остаться здесь до конца недели.

— Я уеду завтра утром.

Он явно собирался что-то записать, но передумал.

— Куда направлять оставшиеся вещи?

— В Линден. На Озерную улицу, дом семнадцать.

У Сколя было узкое гладкое лицо, на котором трудно было прочесть возраст. Я знала его много лет и не помнила ни одной вещи, которую он сказал бы просто так, от себя. Он всегда что-нибудь передавал, уточнял или доводил до сведения.

— Господин полагал, что вопрос проживания еще обсуждается.

— Уже нет.

Он записал адрес.

— Для перевозки бумаг следует составить отдельный перечень.

— Это мои письма.

Коробка лежала рядом с книгами. Сколь посмотрел на нее чуть дольше, чем на остальные вещи. Я невольно подтянула край платка, которым собиралась обернуть крышку.

— Личная переписка не входит в хозяйственный архив, — сказала я.

— Разумеется. Я обязан был уточнить.

Он поднял с пола том о садовых растениях, открыл форзац и увидел мамину надпись.

— Тоже мое.

— Я понимаю.

Мы потратили почти полчаса на то, что раньше он решил бы без моего участия. Два подсвечника оказались семейными, и я оставила их. Шаль, которую подарила мне свекровь, принадлежала мне. На небольшое зеркало Сколь зачем-то потребовал подтверждение, и я показала трещину на ручке: мама случайно уронила его еще до моей свадьбы.

— Если вы сомневаетесь, оставляю, — сказала я.

Он вернул зеркало на ткань.

— В этом нет необходимости.

Когда он ушел, я некоторое время сидела на полу. Нелла молча присела рядом и начала оборачивать книги полотном.

— Я могу сама, — сказала я по привычке.

— Да, госпожа.

Она продолжила заворачивать.

В конце концов я подвинула ей еще одну книгу.

Большую часть одежды мы сложили быстро. Труднее оказалось выбрать совсем простые вещи. Ножницы, которыми я резала нити. Чашку с тонкой трещинкой, которую Грегор велел выбросить, а я оставила для себя. Пару домашних туфель: одну я нашла под кроватью, вторую почему-то у кресла в соседней комнате.

Мне все время казалось, что я собираюсь ненадолго. Что через несколько дней вернусь и буду сердиться, обнаружив на привычном месте чужую книгу.

В ящике письменного столика лежали старые приглашения. Я перебрала их, собираясь выбросить, и наткнулась на карточку с черным гербом пограничного отряда. Благотворительный прием трехлетней давности. Тогда я впервые увидела Райнера Крейда — высокого темноволосого мужчину, который почти весь вечер простоял у окна. Я поздоровалась с ним, потому что он оказался рядом, когда я искала хозяина дома.

Грегор потом крепко взял меня за локоть.

«С этим человеком не стоит заводить знакомств».

По дороге домой он рассказал, что Крейд бросил свой отряд у Северного моста, а потом оправдывался спасением каких-то беженцев. Я запомнила прежде всего голос мужа: такой злости в нем я почти никогда не слышала. Даже когда речь шла о потерянных деньгах.

Я тогда поверила. Мне не пришло в голову спросить, почему виновный в предательстве человек находился на приеме, а не в тюрьме.

Карточку я положила к другим приглашениям, предназначенным на выброс. Коробку с письмами закрыла. Сейчас я не хотела разбирать всю прожитую жизнь и решать, какие ее части еще можно считать настоящими.

Под вечер я отправила Марте короткое сообщение с почтовым курьером. Написала только, что приеду завтра к ночи или следующим утром, в зависимости от дороги. Перечитала и заменила последнюю строчку на более точную: «Послезавтра утром. Почтовая карета выходит завтра на рассвете».

О разводе я не написала. У меня не хватило сил уложить его в бумажку, которую прочитает сначала мальчик при конюшне, а потом почтовый служащий.

Ужин принесла Нелла. Грегор не пришел.

Я съела немного супа и попросила убрать поднос. Потом позвала ее обратно и доела. Завтра предстояло почти весь день провести в дороге.

Ночью я проснулась от звука шагов за дверью. Села в постели прежде, чем поняла, на что надеюсь.

Шаги прошли дальше.

Я лежала с открытыми глазами и слушала дом. Где-то тихо скрипнула балка. Внизу закрыли окно. Часы отбили два удара, потом три. Я знала, какая половица скрипит у спальни Грегора и где служанка придерживает юбку, чтобы не зацепиться за выступ лестницы. Эти мелочи останутся здесь, когда я уеду. Новая жена постепенно выучит их, даже не зная, что до нее кто-то слушал те же звуки.

Я встала и достала из сумочки кольцо. Оно легло на ладонь маленьким теплым кружком. Мне вспомнилось, как трудно было надеть его в день свадьбы: от волнения опухли пальцы. Грегор поцеловал мою руку и шепнул, что теперь я точно не сбегу.

Тогда мы оба рассмеялись.

Я положила кольцо в шкатулку с украшениями. Отдать его мужу означало бы ждать, что он поймет мой жест. Я слишком долго ждала от него правильного понимания того, о чем сама не решалась сказать.

К рассвету я немного поспала.

На лестнице стояла Нелла с маленьким узелком.

— В дорогу, — сказала она. — Пирожки с яблоками. Повар велел передать, что без корицы, как вы любите.

Я обняла ее. Она сначала растерялась, потом обняла в ответ, осторожно, словно боялась сделать мне больно.

Грегора я встретила уже у входа. Он был в домашнем халате и выглядел недовольным ранним подъемом.

— Ты действительно уезжаешь в эту дыру?

Я поправила ремешок сумки.

— Там мой дом.

— Сколь сказал, ты намерена снова принимать постояльцев. Ты хотя бы представляешь, с кем придется иметь дело? Дорожные торговцы, больные старики, люди без воспитания.

— Мама с ними справлялась.

— Твоя мать привыкла к такой жизни.

— Я тоже когда-то умела работать.

Грегор помолчал. Потом заговорил мягче:

— Послушай. Я не хочу, чтобы из-за обиды ты попала в положение, из которого тебя придется вытаскивать. Поживи на Вересковой хотя бы месяц. Остынь. Потом решишь.

Он стоял так близко, что я чувствовала знакомый запах мыла. Мне хотелось прислониться лбом к его плечу и сказать, что я очень устала. Чтобы он обнял меня привычным движением, отвел наверх, закрыл дверь от всех чужих людей и решений.

Но он уже отвел для меня другой дом.

— Мне нужно на почтовую станцию, — сказала я. — Карета не будет ждать.

Грегор убрал руку с косяка.

— Если передумаешь, напиши Сколю.

Я кивнула, потому что не смогла бы произнести ничего ровным голосом.

На крыльце было холодно. Кучер закреплял мой второй сундук, ругаясь вполголоса на упрямуюпряжку. Я дождалась, пока он закончит, и села. Когда карета тронулась, мне пришлось заставить себя посмотреть вперед.

На почтовой станции никто не знал, кто я. Женщина с двумя корзинами попросила подвинуться. Напротив устроился мужчина с перевязанным коленом, и я помогла ему поло-

жить ногу так, чтобы не мешать проходу. Кондуктор проверил мой билет и назвал меня госпожой Ларен.

От этого я едва не заплакала снова.

Первые часы дорога шла между усадьбами. Потом появились поля, мокрые после ночного дождя, и редкие рощи. Женщина с корзинами угостила соседей сливами. Я достала пирожки Неллы. Мы ели, придерживая салфетки на коленях, и спорили, долго ли продержится ясная погода.

Никто не спрашивал, почему у меня красные глаза.

К вечеру мы добрались до дорожного двора. В тесной комнате с низким потолком пахло сухой мятой. Хозяйка принесла кувшин и предупредила, что горячая вода будет только утром.

— Холодная подойдет, — сказала я.

Она посмотрела на мое платье, на дорожную застежку сумки, но ничего не спросила. Поставила рядом с кувшином второе полотенце.

Когда я осталась одна, то вынула мамин ключ. Он был тяжелый, железный, с круглой головкой. В углублении сохранилась полоска старой синей краски: мама однажды взялась за него, не вымыв руки после окраски садовой скамьи.

Я положила ключ возле кровати и впервые за этот день подумала о завтрашнем утре без Грегора.

В Линдене наверняка потекла крыша. Марта будет сердиться, что я не предупредила раньше. Нужно будет купить дрова, вытрясти матрасы, выяснить, остался ли у печника прежний адрес. От одного этого списка у меня заныло между лопатками.

Я разулась, вымыла лицо и нашла в узелке последний пирожок.

Его я оставила на утро.

Глава 2. Комната с выходом в сад

Марта вышла на крыльцо с половником в руке.

За последние два года она почти не изменилась. Разве что седины над висками стало больше, а на переносице появились очки, которых прежде я у нее не видела. Фартук был тот самый, с широкой синей полосой по низу. Мама когда-то купила целый отрез и велела сшить три одинаковых: «Чтобы ты, Марта, наконец могла стирать их по очереди».

Я остановилась у калитки и вдруг поняла, что не знаю, как поздороваться.

— А где остальные? — спросила она.

— Какие остальные?

— Кучер, горничная. Твой муж.

Из-за угла выкатили мои сундуки. Мальчик с почтовой станции сопел, волоча тележку по неровным плитам. Я расплатилась с ним и помогла перетащить багаж за калитку.

— Я одна, Марта.

Она внимательно посмотрела на мое лицо. Опустила половник.

— Заходи. Суп еще не готов, но хлеб есть.

Она не спросила больше ничего, пока я не сняла пальто, не умылась и не села на кухне за стол. На моем прежнем месте теперь стояла большая банка с сушеными яблоками. Марта молча переставила ее на полку.

— Я развелась, — сказала я.

Она положила передо мной ломоть хлеба.

— Он тебя обидел?

Ответить оказалось сложнее, чем я ожидала. Если бы я сказала просто «да», Марта начала бы спрашивать, как именно. А я все еще слышала спокойный голос Грегора и не понимала, как объяснить, что иногда человек почти не повышает голоса, а у тебя после разговора словно не остается кожи.

— У него другая женщина. Он собирается жениться.

Марта села напротив.

— Давно ты знаешь?

— Позавчера узнала. Позавчера и развелась.

Она медленно сняла очки. По кухне поплыл запах кипящего бульона, и Марта поднялась, отодвинула котел на край плиты, вернулась.

— Тебе надо лечь.

— Мне надо понять, что здесь осталось целым.

— Дом до обеда не развалится.

Я взяла хлеб. Корка была толстая, твердая; я с трудом откусила и вдруг почувствовала, как проголодалась. Последний пирожок остался на дорожном дворе: я забыла его на подоконнике, когда кондуктор начал торопить пассажиров.

Марта придвинула ко мне масло.

— Я хотела написать тебе зимой, — сказала она. — Что приезжать нужно чаще. Потом подумала: у тебя жизнь. Не станешь же ты ездить сюда из-за трубы.

— Нужно было написать.

— Я и писала. Про трубу. Ты прислала деньги.

Я замерла с ножом в руке. Все отчеты Марты я читала. Отвечала аккуратно, присылала нужные суммы, передавала приветы соседям. Мне казалось, это и значит заботиться о доме.

— Прости.

Она нахмурилась.

— Я тебя не затем встречала, чтобы ты передо мной оправдывалась. Ешь. Потом покажу трубу.

В прихожей стоял старый шкаф с зеркалом. Я задержалась перед ним, когда мы пошли наверх. В детстве мне нравилось вставать сбоку: из-за неровного стекла отражение становилось длинным, а лицо — узким и чужим. Мама запрещала корчить рожи при гостях, но сама иногда вставала рядом и вытягивала шею.

Теперь на стекле был серый налет. Я стерла его рукавом, оставив посередине светлое пятно.

Марта отперла третью комнату.

— Эту я проветривала каждую неделю. И обе нижние. Здесь сухо. В четвертой надо посмотреть раму, в пятой после ливня намок угол. Шестую пока лучше не открывать.

— Почему?

Она молча провела меня по коридору.

В шестой комнате одна потолочная доска выгнулась вниз. На полу стояло ведро. Подоконник покрывали птичьи следы: под плохо закрепленный карниз забирались воробьи.

Я потрогала стену. Холодная, но сырость шла только по верхнему углу.

— Ты говорила о крыше в июне.

— И в августе.

— А я просила подождать мастера из столицы.

— Он так и не приехал.

В Астене хорошие мастера никогда не торопились в провинцию. Я знала это и все равно считала, что столичный плотник непременно сделает лучше местного. Теперь подставляла ладонь под пятно, а рядом стояла женщина, которая два месяца выносила отсюда ведро.

— Больше ждать не будем. Кто у нас занимается крышами?

— Томас Риг. Его отец делал лестницу, помнишь?

Я помнила молчаливого мужчину с толстыми пальцами. Позже он часто чинил у нас что-нибудь и приводил сына, который собирал за ним стружку. Мальчишка, должно быть, давно вырос.

— Он возьмется?

— За деньги возьмется.

Марта сказала это без упрека, однако мне пришлось снова вспомнить: здесь меня никто не ждал с бригадой работников, готовых бросить свои дела.

Мы спустились во двор. Садовая скамья лежала на боку, под грушей выросла крапива, в дальнем углу торчал сломанный шест для бельевой веревки. Но каменная дорожка сохранилась, и низкая ограда возле озера была цела. Вода за ней блестела под утренним солнцем. По другую сторону берега поднимался легкий пар — там начинались горячие купальни.

Я вдохнула глубже. Воздух пах мокрой древесиной, листьями и чем-то минеральным, терпким. Такой запах я помнила с детства.

— Я хочу открыть пансион, — сказала я.

Марта посмотрела на меня не сразу.

— На сколько?

— Что на сколько?

— На неделю, на месяц? Пока он за тобой не приедет?

Вопрос кольнул сильнее, чем я ожидала.

— Он не приедет.

— Я не про него спрашиваю.

Я присела на каменный бортик клумбы. В щели рос маленький сорняк с круглыми листьями. Потянула за стебель, но корень не поддался.

— Я не знаю, что будет через год. Но сейчас я собираюсь жить здесь и работать. Деньги у меня есть. Немного, однако на начало хватит, если не делать все сразу.

Марта прислонила половник, который так и носила с собой, к стене.

— Я могу готовить. Убирать шесть комнат и готовить каждый день уже не могу. Колени не те.

— Возьмем помощницу, когда появятся гости.

— И выходной мне нужен. По воскресеньям после обеда я хожу к сестре. У нее муж плох. Я кивнула.

— Будешь ходить.

— А если гости?

— Справлюсь.

Она сложила руки на животе, явно собираясь возразить, но я добавила:

— Или поставим на этот день простой ужин, который можно приготовить заранее. Давай подумаем вместе.

Марта наконец немного расслабилась.

Мы вернулись на кухню, и я достала тетрадь. Написала наверху ее имя, обычное жалование кухарки и часы, на которые мы договорились. Вспомнила, как мама каждый раз в конце месяца считала деньги на этом самом столе. Мне тогда казалось, что взрослые знают, сколько можно потратить. Теперь я сама была взрослой и смотрела на цифры с неприятным холодком под ребрами.

— Ты сначала поешь супа, — сказала Марта. — А я пока схожу за Томасом.

— Я сама могу сходить.

— Можешь. Только ты не знаешь, где он теперь живет, а я знаю.

Она повязала платок и ушла прежде, чем я успела придумать еще одну причину сделать все самостоятельно.

Томас пришел с короткой лестницей на плече и рыжим псом, которого оставил у калитки. Пес тут же лег, вытянув лапы, словно знал, что работа затянется.

Мастер действительно был тем самым мальчишкой. Только стал выше меня на голову, обзавелся бородой и говорил гораздо увереннее своего отца.

— Начнем с крыши, — предложил он. — Иначе вы новые обои наклеите, а они через неделю отойдут.

— Я пока не собиралась клеить обои.

— Хорошо. Обычно собираются.

Он поднялся наверх, вернулся за молотком, снова поднялся. Я стояла внизу и слушала шаги, стараясь не представлять, как нога проваливается в старую доску.

Минут через двадцать Томас спустился, вытирая лоб рукавом.

— Плохой кусок небольшой. Два дня на кровлю, если дождь не пойдет. Балка цела. Потолок в шестой придется открыть, просушить и закрыть заново. Рамы посмотрю после обеда.

— Сколько?

Он назвал сумму. Я успела сделать вдох и не успела спрятать выражение лица.

— С материалом, — уточнил он. — И с человеком, который будет подавать мне наверх доски. Одному там неудобно.

Мне хотелось сказать, что я могу подавать. Но я посмотрела на лестницу и оставила эту мысль при себе.

Мы прошли по комнатам. Томас дергал ручки, проверял ступени, заглянул за печь. На кухне присел к маленькой боковой дверце и снял с нее слой пыли.

— Вот это нужно прочистить первым делом.

— Воздушный ход?

— Да. Если печь задымит, откроете заслонку, и потянет в вытяжку. Только сейчас там, похоже, гнездо.

Я помнила эту дверцу. Мама показывала, как держать у щели ладонь и чувствовать, куда идет теплый воздух. Мой небольшой дар не давал ни красивых огненных шаров, ни возможности нагреть озеро, зато пироги у нас редко подгорали.

Я поднесла руку. Из щели едва тянуло.

— Хорошо, — сказала я. — Это тоже.

Когда Томас закончил осмотр, в моей тетради появилась неприятно длинная колонка. Я зачеркнула замену скатертей, отложила покраску фасада и покупку новых зеркал. Кровля, печь, безопасная лестница, окна, белье для первых трех комнат — эти расходы остались.

На запуск выходило около ста двадцати серебряных. Еще столько же должно было остаться на жизнь и работу в первые недели.

— А если добавить только четвертую комнату? — спросила я. — Не открывать пока пятую и шестую.

— Раму там за день сделаю. Но сначала закончу мокрые места наверху. Сырость не ждет, пока у вас появятся постояльцы.

Он не пытался меня запугать. Просто объяснял, что умеет делать и сколько это стоит. После вчерашних разговоров такое обращение почти сбивало с толку.

Я согласилась и отдала деньги на материал под расписку.

Томас прочитал мой адрес, вписанный в верхнюю строку, и спросил:

— Пансион будет называться как раньше?

Я посмотрела на старую вывеску, прислоненную к стене прихожей. Краска облезла по краям, но слова еще читались.

— Да. «Теплый берег».

— Тогда я и крепление посмотрю. Нижняя петля вырвана.

Он записал это в свою книжку и ушел за инструментами. Пес поднялся неохотно, будто считал, что хозяин мог бы устроить перерыв подольше.

После обеда я села писать объявления. На первом листе получилась почти светская записка: много вежливых слов и никакой полезной информации. Я скомкала его.

На втором указала адрес, цену, завтрак и расстояние до купален. Дольше всего смотрела на слово «хозяйка» перед своим именем.

— Красиво, — сказала Марта из-за плеча. — Только когда открываемся?

— Через неделю?

Она задумалась.

— Нижнюю садовую хоть сегодня можно сдавать. Я там все лето держала постель наготове. Думала, вдруг приедешь.

Я отвернулась к окну.

— Спасибо, Марта.

— Не за что. Ты бы тогда тоже спасибо сказала.

Она произнесла это простодушно, без желания уколоть, и от этого стало еще тяжелее.

Я вписала, что первая комната готова к заселению, и пошла в город.

Линден оказался одновременно знакомым и чужим. Там, где раньше продавали свечи, теперь была лавка обувщика. У булочной сменили вывеску. Каменный лев на углу по-прежнему смотрел в сторону озера, но кто-то отбил ему половину уха.

В купальнях мое объявление взяли охотно. Служительница спросила, будет ли у нас ужин, и я чуть не пообещала сразу обед, ужин, лечебное меню и подносы в комнаты. Вовремя вспомнила колени Марты.

— Пока только завтрак. Ужин по предварительной договоренности.

— Так и напишите. А то начнут требовать.

Я приписала строчку внизу.

До лечебницы было пять минут неспешной ходьбы. Над входом висела медная пластина с именем Ивены Роль. Я знала ее по письмам Марты: именно она наблюдала маму в последний год.

В приемной стояли две широкие скамьи. На одной спал седой мужчина, положив шляпу на колени. На другой женщина вязала что-то из толстой серой шерсти. Я устроилась с краю и приготовилась ждать.

— Вы к целительнице или за мазью? — спросила помощница за стойкой.

— Я Элина Ларен. Хотела оставить объявление о пансионе.

Помощница подняла голову.

— Из «Теплого берега»? Подождите немного.

Ивена вышла сама. Невысокая женщина с коротко подстриженными темными волосами, уже заметно поседевшими у лба. Она пожала мне руку, как человеку, с которым собиралась разговаривать по делу.

— Марта сказала, вы сегодня приехали. Примите мои запоздалые соболезнования. В тот раз мы не смогли встретиться.

Я кивнула. На похоронах я почти ничего не запомнила, кроме мокрых перчаток и голоса Грегора, убеждавшего меня ехать обратно до дождя.

— Спасибо вам за маму.

Ивена не стала отвечать привычным «мы сделали все возможное». Предложила пройти в маленькую комнату за приемной и прочитала мое объявление.

— У вас действительно готов нижний номер?

— Один. Остальные будем открывать постепенно.

— С отдельным выходом?

Я удивилась.

— Да. Вы знаете дом?

— Была несколько раз. Ищу жилье для пациента. Здесь ему тесно, слишком шумно, а гостиница у купален занята отдыхающими с детьми. Ему нужен спокойный режим и возможность выходить, не спускаясь по лестнице.

— Мы начинаем ремонт крыши, — предупредила я.

— Ночью не стучите?

— Нет.

— Тогда подойдет. Он уже согласен почти на любой дом, где ему не будут каждый час задавать вопрос, когда он наконец поправится.

В ее голосе появилась сухая усмешка.

— Он очень болен?

— Достаточно, чтобы нуждаться в лечении. Недостаточно, чтобы нуждаться в постоянной сиделке. Еда, чистая комната, возможность отдыхать. Все назначения и процедуры остаются у меня. Вы не обязаны становиться ему целительницей.

Я почувствовала облегчение и одновременно стыд за него.

— Ивена, я должна сразу сказать: опыта приема больных у меня немного.

— Это хорошо, что сказали. Многие сначала соглашаются на все, а потом ждут, что мы решим их затруднения. Пациент взрослый, способен позаботиться о себе. Иногда даже слишком уверен в этом.

Она перевернула лист.

— Цена обычная. Он спрашивал о длительном проживании. Двенадцать недель вас устроят?

Я быстро прикинула сумму и заставила себя не улыбаться раньше времени.

— Если его устроит дом.

— Он посмотрит сам. Можно сегодня вечером?

До вечера оставалось всего несколько часов.

Я подумала о чистой нижней комнате, о Марте, которая держала постель наготове все лето. О ста двадцати монетах, уже разделенных между крышей, печью и бельем.

— Можно.

Ивена записала адрес, хотя, кажется, знала его наизусть.

— Капитан Райнер Крейд. Возможно, вы слышали это имя.

Я подняла глаза.

— Слышала.

— Тогда тем более хорошо, что познакомитесь лично.

Я не поняла, что именно она заметила в моем лице. Но сама больше ничего не спросила.

На улице я некоторое время стояла возле медной таблички. Мир вокруг был прежним: женщина вытряхивала половик, мальчик бежал с корзиной, звенел колокольчик пекаря. И только у меня в голове снова звучал голос Грегора.

«С этим человеком не стоит заводить знакомств».

Я могла вернуться и отказаться. Сказать, что номер все-таки не готов. Что заболела Марта. Что нужен другой постоялец, о котором я ничего не знаю.

Вместо этого я пошла домой и еще раз осмотрела садовую комнату.

Матрас был сухой, окно открывалось, на двери работал замок. В шкафу пахло лавандой. У камина стояло низкое кресло с достаточно широкой спинкой. На столе не хватало только кувшина для воды.

Это я могла предоставить любому человеку за указанную цену.

Остальное предстояло выяснить.

Он пришел, когда Марта снимала с плиты тушеную капусту.

Сначала я услышала остановившуюся у калитки повозку. Потом Томас, еще возившийся у вывески, сказал кому-то, что хозяйка внутри. Я вытерла руки о полотенце, хотя только что проверяла сухие тарелки, и вышла в прихожую.

Райнер Крейд стоял под низкой притолокой и смотрел на меня.

Я узнала его раньше, чем успела решить, насколько он изменился. На том приеме он был в парадном мундире, а сейчас — в темной дорожной куртке с непривычно свободным правым рукавом. Лицо похудело. Короткий шрам у левой брови я тогда не заметила. Ворот был расстегнут, и над краем рубашки виднелся темный ремень, уходящий к плечу.

Он был слишком большим для нашей тесной прихожей. Или прихожая внезапно стала меньше.

— Госпожа Восс?

Голос оказался ниже, чем я помнила. Негромкий, немного хриплый.

— Ларен. Теперь Ларен.

Он коротко кивнул.

— Ивена сказала, что хозяйку зовут Элина. Фамилию я услышал уже у ворот. Не знал, что это вы.

— Я тоже узнала ваше имя только после разговора о комнате.

Позади него возница поставил на крыльцо дорожный сундук. Райнер повернулся, расплатился левой рукой и поблагодарил. Правую он держал близко к телу. Даже это небольшое движение далось ему нелегко: у рта на секунду обозначилась глубокая складка.

Когда повозка отъехала, он снова посмотрел на меня.

— Если обстоятельства изменились, скажите сейчас. Ивена найдет другой вариант.

Мне не хотелось отвечать при Томасе. Тот, к счастью, сделал вид, что чрезвычайно занят нижней петлей вывески.

— Я могу показать комнату, — сказала я. — После этого решим.

— Хорошо.

Он не стал проходить первым, хотя стоял ближе к двери. Отступил, давая мне место. Я заметила на левой кисти мозоль от рукояти оружия и почему-то запомнила именно ее.

В садовой комнате уже горела небольшая лампа. Я открыла ставню, показала шкаф, умывальник, камин.

— Вода по утрам. Горячая — из кухни, пока не восстановим нагревательный камень наверху. Здесь нижний этаж, поэтому проще приносить. Купальни за поворотом, вы знаете. Лечебница...

— Знаю.

Я остановилась. Говорила слишком быстро, как будто старалась продать ему не слишком удачную вещь.

Райнер подошел к садовой двери, но за ручку не взялся.

— Можно открыть?

— Конечно.

Он выглянул во двор. Томас снаружи что-то уронил и громко выругался. Пес одобрително тявкнул.

Райнер подождал, пока закончится шум.

— Здесь будет хорошо.

— У нас ремонт. Я предупреждала Ивену.

— До ночи?

— Нет. И рано утром стучать не будем.

— Тогда я переживу.

Он посмотрел на кровать. Я проследила за его взглядом и впервые задумалась о ее длине.

— Изножье снимается, — поспешно сказала я. — Томас может помочь.

Райнер повернулся ко мне. Уголок его рта немного приподнялся.

— Я еще не пожаловался.

— Но собирались.

— Рассчитывал обойтись дипломатией.

На миг я забыла, кого мне советовали бояться. Передо мной стоял усталый человек, которому предстояло спать на короткой кровати. Я почти улыбнулась и тут же почувствовала неловкость.

— Цена — серебряная монета за ночь с завтраком. Ужин отдельно, если Марта сможет приготовить. Проживание на двенадцать недель?

— Да. Восемьдесят четыре ночи. Возможно, уеду раньше, если Ивена позволит, но рассчитывать на это пока нельзя.

— Неиспользованные ночи мы можем вернуть. С предупреждением, чтобы я успела предложить комнату другим гостям.

— Договоримся письменно.

Он произнес это спокойно. Вчера от похожих слов у меня сжимался желудок. Сегодня я сама достала тетрадь и приготовленный бланк, который нашла среди маминых бумаг.

Мы вернулись в маленькую столовую. Райнер сел боком к столу, бережно удерживая правое плечо. Я записала срок, цену, порядок уборки и возврата денег. Указала, что хозяева не отвечают за выполнение лечебных назначений гостя.

Он прочитал последнюю строку.

— Ивена просила это написать?

— Нет. Она достаточно ясно объяснила.

— Разумная строка. Оставьте.

Он достал кошелек. Монеты легли на стол несколькими ровными стопками. Я пересчитала дважды. Второй раз — потому что боялась ошибиться, а не потому что не доверяла ему.

Райнер ждал без раздражения.

— Восемьдесят четыре, — сказала я и выписала расписку.

Наблюдая, как он подписывает левой рукой, я заметила, что буквы выходят угловатыми и медленными. Он привык писать правой. Это небольшое затруднение почему-то сделало его ранение более настоящим, чем ремень над воротом.

— Еще одно, — сказала я, когда он положил перо. — Я не знаю, что между вами и моим бывшим мужем. Я слышала его рассказы, но не могу судить обо всем по ним. И все же мне нужно понимать: ваше пребывание здесь не создаст опасности для других гостей?

Райнер посмотрел на меня прямо.

— Я не в розыске. Никаких запретов на передвижение у меня нет. Оружие храню в закрытом сундуке. Я приехал лечиться, госпожа Ларен. Втягивать ваш дом в чьи-либо счета не намерен.

— Вы не можете обещать, что другие не захотят их свести.

— Не могу. Если узнаю о конкретной угрозе, вы узнаете о ней от меня. И решение останется за вами.

Я медленно кивнула. Его ответ не снимал все тревоги. Зато он не пытался убедить меня, что они нелепы.

— Ужин через полчаса. Если вы хотите.

— Хочу. С утра ничего приличного не ел.

— Капуста с мясом подойдет?

— Особенно если мясо существует не только в названии.

Из кухни донесся голос Марты:

— Скажите ему, что у меня все существует!

Райнер посмотрел на открытую дверь, потом на меня.

На этот раз я улыбнулась по-настоящему.

Сундук в комнату отнесли Томас с Мартой, не дав мне даже ухватиться за ручку. Райнер сначала попытался помочь, но Томас поднял ладонь.

— Кровать мне еще разбирать. Если вы сейчас зацепите косяк, придется и его чинить.

Райнер отступил. Я увидела, как трудно ему далось это простое движение в сторону.

За ужином мы сидели вдвоем. Марта отказалась выходить из кухни, сославшись на тесто, которое нельзя оставлять, хотя я подозревала, что ей просто хотелось послушать.

Я поставила перед гостем глубокую тарелку и корзину хлеба. Он поблагодарил и некоторое время ел молча.

Мне захотелось заполнить тишину. Спросить о дороге, рассказать историю дома, объяснить, почему у подсвечника не хватает одной подвески. Я уже набрала воздух, когда Райнер отложил вилку.

— Очень вкусно. Передайте госпоже Марте.

— Она слышит.

Из кухни раздалось довольное хмыканье.

Я взялась за свою вилку. Капуста была чуть кислее, чем я привыкла, мясо распадалось на мягкие волокна. Мама добавляла в это блюдо яблоко. Марта, кажется, тоже.

— Вы давно вернулись? — спросил Райнер.

— Сегодня утром.

Он поднял глаза.

— Тогда я очень вовремя явился с длинным списком требований.

— В списке была только тихая комната.

— Еще кровать, в которую я помещаюсь.

— Изножье сняли.

— Значит, все требования выполнены.

Он говорил серьезно, но я уже начинала узнавать едва заметную усмешку в голосе.

— Я собираюсь постепенно открыть все комнаты, — сказала я. — Тишина будет относительной. Люди разговаривают, ходят по лестнице, иногда роняют вещи.

— Это допустимо.

— И я не стану запрещать им пользоваться столовой, когда вы отдыхаете.

— Я этого не просил.

Мне стало жарко.

— Простите. Я хотела заранее...

— Понял. Если мне что-нибудь помешает, я скажу вам. Не Марте, не плотнику и не остальным гостям. Вам.

Я кивнула и отпила воды.

В доме Воссов просьбы Грегора обычно распространялись через прислугу. Иногда я узнавала, что в дальней гостиной нельзя открывать окна или что обед переносится на час, только когда сама нарушала новое правило.

Райнер потянулся к хлебу правой рукой и сразу остановился. Лицо осталось почти неподвижным, но пальцы на левой кисти сжались.

Я придвинула корзину ближе.

— Спасибо.

— Вам помочь разрезать?

Он посмотрел на большой ломоть.

— Если не трудно.

Я взяла нож. Простая просьба почему-то сняла часть напряжения. Он не делал вид, что ничего не болит, и не сердился на меня за то, что я это заметила.

После ужина Райнер спросил, во сколько в доме запирают входную дверь.

— В десять. Садовая остается у вас. Но калитку, пожалуйста, закрывайте.

— Буду.

— И если станет плохо, Марта живет в пристройке. Я — за кухней, последняя дверь справа. Можно постучать. За целительницей пошлем.

Он чуть склонил голову.

— Надеюсь, не понадобится.

Я тоже надеялась.

Когда он ушел к себе, Марта вынесла пустую миску.

— Ест нормально, — сказала она.

— Это все, что ты можешь о нем сказать?

— Пока да. А ты чего ждала?

Я посмотрела на закрытую дверь садовой комнаты.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Давай тарелки.

Мы вымыли посуду. Я согрела воду небольшим усилием и к концу второго таза почувствовала знакомую усталость в затылке. Дар всегда быстро слабел, если я забывала поесть или выпаться.

Марта забрала у меня полотенце.

— Остальное утром. Ты на ногах двое суток.

Я не стала спорить.

В собственной комнате меня ждал неразобранный сундук. Я достала только ночную рубашку и гребень. Постель пахла чистым полотном и лавандой.

Перед тем как лечь, я заглянула в книгу заселения.

Райнер Крейд. Комната первая. Восемьдесят четыре ночи.

Ниже оставалось много пустых строк.

Утром я проснулась от осторожного стука. На мгновение решила, что Нелла принесла горячую воду, и потянулась к краю чужой широкой кровати, на котором обычно сидел Грегор, застегивая манжеты.

Рука встретила стену.

— Элина? — позвала Марта. — Твой постоялец спрашивает, можно ли взять старую скамью во двор.

Я села.

— Зачем?

— Упражнения делать. Говорит, Ивена велела. Я ему сказала, что скамья перекошена.

— Сейчас выйду.

На часах не было и семи. Я оделась, собрала волосы и нашла Райнера у садовой двери. Он держал в левой руке лист с рисунками. Правое плечо было стянуто широкой повязкой поверх тонкой рубашки.

— Простите, что разбудили, — сказал он. — Я спрашивал о скамье, а не о возможности поднять весь дом.

— Я все равно собиралась вставать.

Это была неправда. Судя по его взгляду, он заметил, но не стал меня уличать.

Мы выбрали устойчивый стул из столовой. Я вынесла его сама, потому что он был легкий, а Райнер нес свой лист и тонкий деревянный шест. Томас, проходя с досками, посмотрел на нас, но на этот раз не вмешался.

Райнер сел, уперся левой ладонью в край сиденья и начал медленно поднимать правое предплечье. Движение было совсем небольшим. Он смотрел перед собой, не сжимая зубы, но я увидела, как на виске выступил пот.

Мне стало неловко стоять рядом и наблюдать.

— Завтрак через час, — сказала я. — Каша и яйца. Если нужно другое...

— Не нужно. Спасибо.

Я ушла на кухню.

За следующие два дня у нас появился распорядок. Райнер рано выходил во двор, потом завтракал и уходил к Ивене. Иногда возвращался к обеду, иногда только вечером. Марта ворчала, что он недоедает, но оставляла ему добавку. Томас стучал на крыше и каждый раз предупреждал, когда собирался разобрать что-нибудь прямо над занятой комнатой.

Я вытряхивала матрасы, переписывала объявления и обнаруживала новые расходы. Вечером второго из этих дней у меня порвалась последняя подходящая простыня. Я села на пол возле бельевого шкафа и вдруг засмеялась. Не весело, но и не так страшно, как могла бы.

Из садовой комнаты вышел Райнер.

— Помощь нужна?

Я подняла простыню.

— Если вы умеете превращать старое полотно в новое.

— Не умею.

— Тогда, боюсь, нет.

Он посмотрел на меня, сидящую на полу, на раскрытый шкаф, на разложенные вокруг наволочки.

— Принести стул?

— Вот это можно.

Он принес легкий стул левой рукой, поставил рядом и ушел, не спросив, почему у хозяйки приличного пансиона такой беспорядок.

Я перебралась на сиденье и стала разбирать белье дальше. Хорошие простыни сложила отдельно, ветхие — на тряпки. Через полчаса оказалось, что для двух новых гостей хватит всего, кроме пары наволочек.

Наволочки я решила сшить сама.

Глава 3. Дом открывает двери

Первой новой гостьей оказалась женщина, которой не понравилась моя дверная ручка.

— Слишком низко, — сказала она, еще не сняв перчаток. — Приходится нагибаться.

Ручка находилась ровно там, где находилась все мое детство. Я посмотрела на нее, потом на гостью и растерянно предложила помочь с сумкой.

— Сумку отдайте вашему человеку. Мне бы сперва сесть.

Нашим человеком оказался Томас, который проходил через двор с мешком извести. Прежде чем я успела придумать ответ, он поставил мешок и принес гостье стул.

— Я плотник, — предупредил он. — Если что-нибудь не работает, это ко мне. Если не нравится — к хозяйке.

Женщина внимательно его рассмотрела.

— А если и то и другое?

— Тогда придется поговорить с обоими.

Она неожиданно усмехнулась и села.

Ее звали Вера. Фамилию я записала в книгу, сверив с дорожным документом, но она попросила обходиться без торжественных обращений.

— Я сорок лет преподавала, — объяснила она. — Мне хватило госпож на всю оставшуюся жизнь. Просто Вера.

Ей было шестьдесят два. После долгой болезни она приехала к источникам на несколько недель, а если лечение поможет — намеревалась остаться до холодов. Комнату хотела непременно внизу, завтрак рано, подушку невысокую, а на ночь — горячую воду в кувшине.

— И никакого молока, — добавила она. — Ни в каше, ни в чае, ни в чем бы то ни было. Я от него болею.

— Разумеется, — сказала я.

Марта, стоявшая у двери кухни, выразительно посмотрела на котел, в котором уже варилась каша на молоке.

— Сегодня я приготовлю вам яйца, — поспешно уточнила я. — А с завтрашнего дня учтем.

— Яйца подойдут.

Пока я показывала вторую комнату, Вера успела выяснить, когда последний раз чистили дымоход, куда выходит окно и почему у шкафа только три вешалки. Каждая ее просьба по отдельности казалась разумной. Все вместе они заставили меня усомниться, готова ли я вообще принимать людей.

Она провела ладонью по постели, проверила матрас и наконец сняла перчатки.

— У вас пахнет чистым бельем, — сказала она. — В гостинице у купален пахло духами. Подозреваю, ими что-то прятали.

Я поблагодарила так горячо, словно она вручила мне награду.

Через два часа приехал Леви.

Его дорожный мешок выглядел так, будто прошел через войну, хотя самому владельцу едва исполнилось двадцать четыре. Из мешка торчали свитки, деревянная линейка и носок, который Леви попытался незаметно затолкать внутрь.

— Мне нужна тишина, — сказал он. — Я перевожу книгу.

— Какую?

— О способах воспитания государей.

Вера, сидевшая в столовой, подняла голову.

— Полезное занятие. Начать бы с тех, кого воспитывали плохо.

Леви посмотрел на нее с искренним интересом.

— Вы читали Арвиана?

— Читала. И не уверена, что ему самому следовало доверять детей.

Он забыл о комнате минут на десять. Мне пришлось напомнить, что горячая вода остывает, а его вещи до сих пор лежат на крыльце.

Леви занял третью комнату. От окна там было видно озеро и крышу купален. Стол пришлось придвинуть ближе к свету; я помогла передвинуть его, потом еще раз, потому что солнце отражалось от воды прямо на страницы.

— Завтрак до девяти? — спросил он.

— С семи до девяти.

— А можно в половине одиннадцатого? Я работаю ночью.

Я уже открыла рот, чтобы согласиться, и услышала снизу голос Марты:

— Хозяйка, на минутку!

Она ждала у лестницы с пустой миской в руках.

— Если Вере в половине седьмого, капитану в семь, а этому в одиннадцать, я от плиты не отойду. Давай решать сразу.

Я прикрыла глаза. Вера действительно попросила подать ей еду раньше, до утренней процедуры. Я согласилась, не подумав.

— Для Веры оставим ранний завтрак по назначению, — сказала я. — Леви сможет взять хлеб, сыр и чай после общего. Горячее — в обычное время.

— Скажи ему сама.

Я вернулась вверх. Леви уже разложил на столе столько бумаг, что места для чашки почти не осталось.

— Горячий завтрак мы подаем до девяти, — сказала я. — Если встаете позднее, оставим холодный. За чайником можно будет обратиться на кухню.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Хорошо. Я просто спросил.

Я спустилась вниз с неприятным чувством: пять минут назад едва не устроила нам обоим полдня непрерывной работы из страха обидеть человека, который вовсе не собирался обижаться.

Марта ничего не сказала. Только подала мне миску с яблоками.

— Почистишь?

К вечеру того же дня выяснилось, что заказанное белье привезут не завтра, а через четыре дня. И стоить оно будет дороже.

Лавочник говорил об этом с таким спокойствием, будто сообщил мне прогноз погоды.

— В прошлый раз вы называли другую сумму, — сказала я.

— За простое полотно. Вы потом попросили плотнее.

— Я попросила показать образец.

— Образец я вам и показал.

Мы стояли возле прилавка, на котором лежали ровные стопки ткани. Мне хотелось схватить одну и уйти, оставив ему деньги, лишь бы больше не чувствовать себя глупой.

Вместо этого я попросила принести мою записку с заказом.

Он долго искал ее в ящике. За спиной у меня вздыхала женщина, ждавшая своей очереди. Когда записка наконец нашлась, оказалось, что я действительно не указала ни цену, ни сорт. Написала только размеры и количество.

— Видите? — сказал лавочник.

— Вижу, что мы оба ничего не закрепили.

Он пожал плечами.

Я выбрала два готовых комплекта обычного полотна, остальные заказала по точной цене и попросила вписать срок. Деньги пересчитала прямо у прилавка. Руки при этом были ледяные, хотя в лавке стояла жара.

Когда я вышла, на площади как раз задерживали нетрезвого дракона. Он возмущался из-за разбитого фонаря и уверял, что фонарь сломался прежде, чем он к нему прикоснулся. Под кожей у его шеи проступили темные пластинки чешуи.

Стражник не повысил голоса. Показал широкие металлические браслеты.

— Погасите оборот, господин. Иначе поедем разбираться с ограничителями.

Дракон посмотрел на браслеты, на собравшихся людей и убрал чешую. Еще некоторое время спорил, но уже тише.

Я обошла толпу, прижимая покупки к груди. В столице я редко видела такие сцены вблизи: карета просто проезжала мимо.

У хлебной лавки меня окликнула женщина из купален, принявшая объявление.

— Гости появились?

— Трое.

— Хорошо. Только мне сказали, у вас остановился Крейд.

Я задержала руку на дверной скобе.

— Да.

Она понизила голос, хотя рядом никого не было.

— Осторожнее с ним. Моя сестра служила в доме военного советника. Там много говорили о Северном мосте.

— Вы с ним знакомы?

— Нет, и не стремлюсь. Дыма без огня не бывает.

Я посмотрела на площадь, где стражник поднимал с земли обломок фонаря.

— Но его ведь не посадили?

— У таких людей всегда находятся влиятельные друзья.

О бродячем звере меня предупреждали бы примерно так же. Женщина явно считала, что делает доброе дело. Я поблагодарила за заботу, купила хлеб и пошла домой.

Пакет с бельем тяжелел с каждым шагом. До «Теплого берега» оставалось две улицы, когда я вдруг поняла, что мне хочется увидеть Райнера. Не поговорить о мосте. Просто проверить, тот ли это человек, который спокойно ел Мартину капусту, или я опять чего-то не заметила.

Он сидел во дворе, держа на коленях миску со стручками фасоли.

Я остановилась у калитки.

— Что вы делаете?

— Выполняю лечебное назначение.

Он пошевелил пальцами правой руки. Двигались они осторожно, но уже свободнее.

— Ивена велела разрабатывать кисть. Марта предложила совместить бесполезное с полезным.

Из кухни донеслось:

— Очень полезное! Мне самой некогда!

Райнер посмотрел на мой сверток.

— Тяжелый?

— Я донесу.

Он кивнул и вернулся к фасоли.

Мне вдруг стало стыдно за раздражение, с которым я ответила. Он просто спросил. Не выхватывал вещи, не рассказывал, что женщине нельзя таскать тяжести, не велел сесть.

— Заказ задержали, — сказала я, сама не зная зачем. — И я заплатила больше, чем собиралась.

Райнер разломил следующий стручок.

— Продавец изменил цену?

— Мы ее толком не записали.

Он помолчал, и я приготовилась услышать совет, который был бы очень полезен неделю назад.

— У меня однажды на весь отряд заказали сапоги одного размера, — сказал он вместо этого. — Писарь решил, что цифра в строке относится ко всему списку.

— И что вы сделали?

— Меняли. Долго. Самым счастливым оказался солдат с огромной ногой. Впервые в жизни получил запасную пару.

Я поставила покупки на скамью.

— Мне теперь придется выкручиваться с тем, что есть.

— Наверное.

Он не стал говорить, что все непременно устроится. От этого рассказ о сапогах почему-то помог больше.

Я взяла из миски стручок. Тот оказался жестким, с длинной волокнистой жилкой.

— Эти я буду чистить, — сказала я. — Вам полегче.

— Вы сейчас нарушаете замысел Ивены.

— Я улучшаю будущий ужин.

Он посмотрел на меня снизу вверх. В вечернем свете его глаза казались светлее, почти бесцветными. Я заметила, как у левого уголка рта образовалась небольшая складка, когда он улыбнулся.

На мгновение мне стало трудно придумать следующее слово.

Я занялась фасолью.

Вечером седьмого дня Леви поссорился с Верой из-за лестницы.

Он уверял, что ходит совершенно тихо. Вера утверждала, что он топает, как лошадь. Я стояла между ними в коридоре, держа в руках корзину полотенец, и пыталась понять, почему они оба смотрят на меня так, словно я сама заставляла одного ходить, а другую — слушать.

— Я спускаюсь за водой, — объяснял Леви. — Не могу работать с пересохшим горлом.

— Четыре раза за ночь?

— Три.

— Я считала.

Он беспомощно развел руками.

Я попросила его пройти по лестнице. Леви поднялся, потом спустился. На седьмой ступеньке раздался такой скрип, что мы все трое замолчали.

— Это не я, — сказал он с облегчением.

— Но наступаете на нее вы, — заметила Вера.

Я позвала Томаса. Он присел возле ступени, поддел край и обнаружил разболтавшееся крепление.

— Исправлю утром. Сегодня не наступайте ближе к стене.

— А воды я буду оставлять наверху больше, — добавила я. — И чайник. Но после десяти на кухне тихо, пожалуйста. Марта рано встает.

Леви согласился сразу. Вера еще некоторое время обсуждала с Томасом качество прежней работы. Он напомнил, что лестницу делал его отец двадцать пять лет назад.

— Хороший был мастер, — неожиданно сказала она. — Раз столько продержалось. Когда гости разошлись, я опустила корзину на пол.

— А я уже решила, что придется просить одного из них уехать.

Томас потрогал еще одну ступень.

— Из-за гвоздя?

Я засмеялась. Он посмотрел на меня так, словно все еще не понимал, что здесь смешного.

На следующее утро мы вместе проверили заднюю лестницу. Она вела из верхнего коридора во двор и много лет использовалась в основном для выноса белья. У нижней площадки стоял старый комод без ящиков.

— Уберем, — сказала я.

Марта возразила, что на него удобно ставить корзины.

— А если ночью придется спускаться всем сразу?

Она посмотрела на узкий проход и согласилась.

Томас починил перила, проверил дверь и показал мне задвижку, которую можно было открыть изнутри без ключа. Я попробовала несколько раз, пока движение не стало привычным.

Потом мы прочистили воздушный ход за кухонной печью. Из него действительно вытащили старое гнездо, несколько перьев и сухие листья.

— А теперь почувствуйте, — сказал Томас.

Я поднесла ладонь к щели и закрыла глаза. Теплый воздух шел свободно, вытягивая дым вверх. Мне понадобилось совсем небольшое усилие, чтобы направить поток чуть в сторону.

— Так лучше?

— Лучше. Только не держите постоянно. Тяга должна работать без вас.

Он закрепил заслонку, показал рычаг и велел не закладывать эту дверцу дровами.

Я записала все в тетрадь, а вечером прошла с Мартой по дому. Она слушала внимательно, иногда перебивала, задавала вопросы. Я поняла, что раньше давала распоряжения гораздо чаще, чем объясняла, зачем их нужно выполнять.

Райнер стоял у садовой двери, когда мы вышли во двор.

— Задний проход свободен? — спросил он.

— Теперь да.

Он посмотрел на комод, который Томас вытащил под навес.

— Хорошо. Я вчера зацепил его плечом.

— Почему не сказали?

— Собирался. Вы как раз разбирались со скрипучей ступенью.

Я поймала себя на желании немедленно извиниться за весь дом целиком.

— Если еще что-нибудь заметите, говорите. Даже когда я занята.

— Договорились.

Я задержалась возле него дольше, чем требовалось для этого короткого разговора. Он был без куртки. Под тонкой рубашкой угадывались широкая спина и повязка, стягивавшая правое плечо. Я быстро отвела взгляд к саду.

— Сегодня будет яблочный пирог.

— Это предупреждение или приглашение?

— Обещание. Если печь не подведет.

— Тогда я вернусь вовремя.

Райнер ушел к калитке, а я еще минуту стояла у двери и сердилась на себя за то, как глупо обрадовалась его словам.

Для пирога мы замесили тесто без молочных продуктов, чтобы Вера тоже могла попробовать. Он получился не совсем таким, как я помнила: края вышли темнее, а яблоки осели, оставив под верхней коркой пустоту. Я уже собиралась разрезать его на кухне, чтобы гости не увидели неровную поверхность, когда Марта взяла блюдо.

— Неси целиком. Он вкусный.

— Ты еще не пробовала.

— Я тесто пробовала. И яблоки. Если вместе они испортились, значит, в доме завелась очень странная нечисть.

В столовой Леви спорил с Верой о значении какого-то старого слова. Она утверждала, что речь идет о милосердии. Он — что всего лишь о снисхождении победителя. Я поставила пирог между ними, надеясь, что еда поможет заключить мир.

— Вы как считаете? — сразу спросил Леви.

— Я считаю, что сначала нужно отрезать, пока горячий.

Райнер, сидевший у окна, поднялся и подал мне чистые тарелки с буфета. Я хотела остановить его, но он просто перенес легкую стопку левой рукой и сел обратно.

Вера попробовала первый кусочек.

— Кисловатые яблоки. Хорошо.

Это прозвучало таким серьезным одобрением, что мне захотелось выпрямиться.

Я разлила чай. Леви продолжал спорить, но уже тише, с полным ртом. Райнер посмотрел на мой пустой прибор.

— Вам не хватило?

— Я потом на кухне.

— Здесь есть свободное место.

Он указал на стул, не делая попытки усадить меня силой или объявить всем, что хозяйка обязана отдыхать. Я могла отказаться. Наверное, именно поэтому села.

Пирог оказался лучше, чем выглядел. Нижняя корка хрустела, яблоки пахли лимонной цедрой. Я доела свой кусок прежде, чем заметила это, и поймала одобрительный взгляд Марты из дверей.

— А вы бы как перевели? — Леви наконец добрался до Райнера.

Тот прочитал протянутую ему строку, медленно, без уверенности ученого.

— Не знаю языка достаточно хорошо. Но если речь идет о решении после победы, я бы посмотрел, кого именно они собирались миловать.

— Военнопленных, — сказал Леви.

— Тогда слово многое меняет.

Он вернул лист и замолчал. Вера не стала развивать тему. Взяла еще немного пирога и спросила меня о яблонях в саду.

Я рассказывала, какие сорта сажала мама, и постепенно перестала прислушиваться к каждому звуку в кухне. Чай остыл. На блюде осталось два куска. За окном темнело, и никто не торопился расходиться.

Так проходили вечера в моем детстве. Иногда гости ссорились, иногда рассказывали неприятные истории, но мама умела посадить их за один стол так, что дом не превращался в собрание чужих запертых комнат.

Я не знала, получится ли у меня. В тот вечер получилось.

Позже, когда остальные ушли, Райнер остался возле окна. Я собирала чашки и чувствовала его присутствие слишком остро для обычного внимания к постояльцу.

— Вы не обязаны помогать, — сказала я, когда он взял пустое блюдо.

— Я доел последний кусок. Справедливо хотя бы отнести посуду.

Мы вошли в кухню вместе. Марта уже ушла в пристройку, оставив воду под крышкой. Я поставила чашки в таз и закатала рукава.

Райнер заметил старый ожог на правой ладони.

— Давно?

— В девятнадцать лет. Решила, что противень можно вытащить полотенцем, которое лежало слишком близко к воде.

— Мокрым?

— Очень мокрым. Мама потом два дня не подпускала меня к печи.

— И вы послушались?

— Конечно нет. Я же в девятнадцать все знала.

— В таком возрасте это распространенная болезнь.

Я подняла глаза.

— Вы тоже все знали?

— О, значительно больше, чем сейчас.

Он произнес это без улыбки, и я не сразу поняла, шутит ли. Потом увидела светлую морщинку у глаза и рассмеялась.

Райнер посмотрел на меня внимательнее. Я вдруг вспомнила, как давно не смеялась так, не оглядываясь на чужое настроение.

— Где вы выросли? — спросила я.

— В небольшом городе севернее столицы. Очень скучное место, если верить тому мальчишке, которым я был. Теперь думаю, что там просто было спокойно.

— Вы хотели уехать?

— Сразу. Желательно героем и как можно дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.